

МРНТИ 03.20

Тенденции в западных исследованиях истории Центральной Азии: пример журнала «Central Asian Survey»

Михаил Акулов

Назарбаев Университет, Астана, Казахстан

E-mail: mikhail.akulov@nu.edu.kz

<https://orcid.org/0000-0002-6878-9285>

DOI: 10.32523/2616-7255-2022-140-3-7-20

Аннотация. Данная статья посвящена изучению основных тенденций в западном центральноазиоведении за последние 40 лет. В качестве образца для отслеживания вышеуказанных трендов использован авторитетный зарубежный академический журнал «Central Asian Survey», в котором, как правило, и публикуются передовые идеи, концепции и результаты новейших исследований, соответственно, обзор представленных в нем работ может претендовать на репрезентативность для научной отрасли вообще.

В целом в работе на конкретных примерах демонстрируются коренные преобразования в западном центральноазиоведении, произошедшие после 1991 года вследствие распада СССР, падения «железного занавеса» и соответствующих изменений в исследовательской сфере, столкнувшейся с необходимостью пересмотра существовавших на тот момент парадигм и задач периода холодной войны в целом, «архивной революции» и, по сути, новой эпохи в исторических исследованиях, «посткоммунизма», что сделало возможным различные формы обмена в интеллектуальной сфере для исследователей из ранее противостоящих друг другу лагерей. Среди анализируемой в статье историографии по истории региона выделяются исследования, рассматривающие историю региона в течение нескольких последних веков сквозь призму российского экспансионизма. Кроме того, внимание уделено также работам, в которых предпринимается попытка выхода за концептуальные рамки прежних исследований (в частности, «тоталитарной школы»). Стоит также отметить поднимаемые в приведенных в статье и анализируемых работах вопросы формирования единого советского народа и советской национальной политики в регионе, этнического мышления, а также эволюции управления царской Россией в регионе.

Ключевые слова: Central Asia Survey; историография; центральноазиоведение; тенденции исследований.

Received 11 March 2022. Revised 15 March 2022. Accepted 31 July 2022. Available online 30 September 2022.

For citation:

Akulov M. Trends in Western Historiography of Central Asia. Case of «Central Asian Survey»// Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2022. – Vol. 140. – No. 3. – P. 7-20. DOI: 10.32523/2616-7255-2022-140-7-20

Для цитирования:

Акулов М. Тенденции в западных исследованиях истории Центральной Азии: при мер журнала Central Asian Survey// Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева Серия Исторические науки. Философия. Религиоведение. – 2022. – Т. 140. – №. 3. – С. 7-20. DOI: 10.32523/2616-7255-2022-140-3-7-20

Введение

То, что результаты исторических исследований неизбежно отражают момент проведения этих исследований и их обнаружения является, конечно же, трюизмом, но трюизмом ценным. Понимание связи между проживаемым настоящим с его меняющейся конъюнктурой и предметом исторического исследования позволяет, с одной стороны, несколько подняться над ловушками презентизма, а с другой стороны, глубже понять «ход развития» исторической дисциплины. Рассматриваемая под таким ракурсом, т.е. на фоне текущих событий, история, как и любая другая дисциплина, освобождается от рамок парадигмы прогресса, обретая взамен (насколько бы тавтологичным это не казалось) динамизм историчности.

Для западной историографии Российской империи и Советского Союза, равно как и для региона, составлявшим центральноазиатскую периферию, определяющим моментом в проживаемом настоящем, представляющим из себя разделительную линию, стал распад СССР в 1991 году. Это событие, заставшее врасплох многих аналитиков, поставило ребром вопрос перед исследователями региона о состоятельности парадигм и задач, произрастающих из реалий и менталитета холодной войны. Важную роль в их пересмотре сыграла так называемая «архивная революция» (Fitzpatrick, 2015: 377-400), придавшая мощный практический импульс развитию исторической дисциплины в эпоху «пост-коммунизма»; падение «железного занавеса» открыло для исследователей из ранее противостоящих друг другу лагерей беспрецедентные возможности для интеллектуального обмена в виде конференций, стажировок и долгосрочного институционального сотрудничества.

История журнала «Central Asian Survey» (CAS), справившего в прошлом году свой 40-летний юбилей, дает наглядное представление всему сказанному выше. Специализирующийся на междисциплинарной тематике Центральной Азии и Кавказа и тесно связанный с Обществом центрально-евразийских исследований (CESS), журнал был основан, как было открыто заявлено в первом его номере, как реакция на современные «внушающие тревогу политические и военные события в регионе». Последние указали на необходимость вывести исследование региона из-под сени «славяноведения» (Slavic Studies) (Enders Wimbush, 1982). В последующие годы на его страницах были представлены работы таких выдающихся ученых, как Александр Беннигсен (Alexandre Bennigsen), Мари Броксап (Marie Broxup), Эдвард Дж. Лаззери-ни (Edward J. Lazzerini), Эдвард А. Олворт (Edward A. Allworth), Оливье Руа (Olivier Roy) Майкл Ходарковский (Michael Khodarkovsky), Анатолий М. Хазанов (Anatoly M. Khazanov), Адиб Халид (Adeeb Khalid), Сергей Абашин, Майкл Рейнольдс (Michael Reynolds), Николло Пьянчолла (Nicollò Pinciola), Джефф Сахадео (Jeff Sahadeo), и многие другие. Направление, подходы, предметы исследования журнала менялись, отражая как глубокие геополитические преобразования, так и менее явные, но не менее значимые эпистемологические сдвиги в гуманитарных и социальных науках.

На данный момент журнал издается поквартально международной компанией Taylor and Swift. Как отмечено на его веб-странице, CESS «является единственным авторитетным рецензируемым мультидисциплинарным журналом в мире, посвященным истории, политике, культуре, религии и экономике Центральной Азии и Кавказского региона.»

Материалы и методы

Пользуясь возможностью, предоставленной 40-летним юбилеем, в этой статье мы попытаемся пролить свет на некоторые из этих перемен. С этой целью мы рассмотрим пять, на наш взгляд, репрезентативных статей, опубликованных в журнале за время его существования. Взятые по отдельности, каждая из них ценна сама по себе, и вносит важный вклад в изучение истории Центральной Азии. В совокупности же они позволяют нам распознать определенную ментальную траекторию, что свидетельствует о появлении методологически сложных концепций на месте более упрощенных, «бинарных», подходов эпохи холодной войны (схематично разделенные на «тоталитарные» и «ревизионистские»); кроме того, данная траектория указывает на ряд новых направлений для последующего развития. Таким образом, после краткого обзора основных моментов, поднятых в каждой из статей, мы перейдем к обсуждению общих вопросов, представляющих ресурсы для будущих исследований.

Обсуждение

Несмотря на то, что полемика о признании или отрицании колониальной природы СССР не входит в задачи нашей статьи, нельзя не отметить, что эта тема является одной из самых неоднозначных и болезненных на постсоветском пространстве, в т.ч. в казахстанской историографии, которая, впрочем, не проблематизируя и слабо артикулируя ее, чаще всего ставит знак равенства между советским и колониальным (Койгельдиев, 2009).

Так или иначе, нам представляется, что говорить о постколониальных исследованиях и деколонизации исторической памяти казахстанского общества невозможно в рамках бинарных оппозиций «колониальное – антиколониальное», «тоталитаризм – независимость», «национальное – планетарное» и т.д. Различные акторы и исследователи этих процессов находятся в сложной системе идей и действий, желаний и обязательств, устремле-

ний и противоречий разнообразных групп и сообществ, находящихся в постоянном диалоге друг с другом, либо существуя в герметичных, очаговых средах, консервирующих монологические стратегии их поведения.

Результаты

Статья Мехмеда Сарая (Mehmet Saray) «Российское завоевание Средней Азии», опубликованная во втором номере CAS во время последнего всплеска холодной войны, полностью написана в позитивистском ключе. Вторя известному утверждению Леопольда фон Ранке о необходимости освещения истории «таковой, каковой она была», автор поставил перед собой задачу получения «правдивой картины событий». Отчасти это можно объяснить тем, что, как минимум на первых порах, журнал руководствовался миссией «просвещения» англоязычного круга читателей, привыкшего воспринимать историю региона через призму уже упомянутого «славяноведения» (Slavic Studies) либо же в рамках британского колониального опыта. Вместе с тем, несмотря на «информационно-просветительскую ориентированность» ранних статей, в выборе и интерпретации представляемых фактов легко прочитывалась сформированная реалиями Холодной Войны политическая ангажированность исследователей – и в этом смысле Мехмед Сарай не исключение.

Хотя автор и характеризует российское завоевание Средней Азии как «внезапное и неожиданное» (sudden and unexpected), обращаясь к покорению Казани, Астрахани и других мусульманских формаций, статья имплицитно усматривает в событиях XIX века логическое завершение многовекового процесса «собирания земель Золотой Орды» (по выражению Андреаса Каппелера (Kappeler 2001). Удивительным, однако, является факт отсутствия в этом *longue durée* нарративе таких важных вех в истории имперского продвижения, как принятие Абулхайром российского подданства в 1731 году (Bodger, 1980: 40-47), восстание Кенесары Касымова (Sabol, 2003: 231-252) или злополучная Хивинская экспеди-

ция 1839 г. (Werth, 2021; Morrison, 2021). Автор «перепрыгивает» зону, населенную собственно казахами, ненароком подтверждая известное советское клише о «добровольном присоединении Казахстана к России».

Тем не менее, несмотря на эти недостатки, в данной статье ставится важная задача включения в канву исторических событий государств Центральной Азии, и, тем самым, наделения их исторической субъектностью (agency). Опираясь в основном на дипломатические документы российского, британского и османского происхождения, Сарай описывает процессы, которые сложно назвать упорядоченными или скоординированными. В первую очередь, это обусловлено обилием акторов с их противоречивыми, и зачастую слабо оформленными, «интуитивными» целями. Так, на окраинах Российской империи доминирующей силой были инициативные генералы, часто действующие без предварительного одобрения Санкт-Петербурга; последний, будучи, казалось, в авангарде движения, не раз находил себя перед свершившимся фактом, что в конце концов вынудило правительство отказаться от своей изначально осторожной позиции и с головой окунуться в «Большую игру». Другие важные геополитические игроки – прежде всего Великобритания, а также Османская империя – стремились избежать конфликта с Россией из-за отдаленного региона, предпочитая доверять исходящим от российского министра иностранных дел князя Александра Горчакова заверениям в миролюбивых намерениях Санкт-Петербурга. Наконец – и именно на них направлен фокус статьи – мы имеем дело с правителями Коканда и Бухары, которые перед лицом угрозы завоевания северным соседом, проявили неожиданную дипломатическую ловкость распутывая паутину международных отношений и имперских амбиций. Как показывает Сарай, неспособность центральноазиатских государств противостоять имперской экспансии нельзя сводить к их, якобы недостаточным усилиям; не было это и результатом, как утверждали колониальные власти, изоляцией Бухары, Хивы и Коканда от «мирового цивилизованного со-

общества». Наоборот, статья ясно показывает, что последние являлись интегральной частью нового глобального миропорядка.

Статья Стивена Саболя (Steven Sabol) «Создание советской Средней Азии: национальное размежевание 1924 года» – первая из обсуждаемых здесь статей, появившихся после распада Советского союза. Весьма характерно, что в своем исследовании советской национальной политики автор пытается выйти за рамки так называемой «тоталитарной школы», ключевые постулаты которой нашли свое классическое отражение в работах Ричарда Пайпса (Pipes, 1964) и Роберта Конквеста (Conquest, 1991). В противовес им, Саболю, хоть и не напрямую, но отрицает, что установление границ между центральноазиатскими республиками было результатом произвольного решения Москвы – акта, иронично названного «теорией сталинского гигантского карандаша» (Morrison, 2017). Более того, он лишь с оговорками разделяет логику политики «разделяй и властвуй», к которой склонялись некоторые из ранних исследователей советской национальной политики при объяснении истинных мотивов кремлевских властей. Тем не менее, «тоталитарные» влияния не исчезли полностью из анализа Саболя. В первую очередь, они усматриваются в предполагаемом автором ключевом влиянии марксистской идеологии (в большевистском ее прочтении) в формировании советской национальной политики. В частности, идеологические ориентиры выходят на первый план в стремлении автора подчеркнуть сугубо инструментальный характер используемого большевиками принципа национального самоопределения. Признавая присутствие активистов с национальной и антиколониальной повесткой в рядах партии, автор, не тем не менее, отказывает им в самостоятельности действий. Они, по версии Саболя, не более, чем не до конца осознающую свою роль исполнители в «последовательной», «соблазнительной, гибкой и оппортунистической» политике Ленина и его наркома по национальностям Сталина (Sabol 1995: 238).

Несмотря на то, что представление большевистской партии в качестве некоего монолита является явным упрощением реальности, нет сомнения в том, что в центральноазиатском контексте принцип самоопределения использовался центром с целью положить конец дискриминационной политике (в особенности в вопросе распределения продовольствия) местных советов по отношению к туземному населению, спровоцировавшего появление и распространение антибольшевистских сил – так называемых басмачей или курбаши. Одновременно с этим, в стремлении ограничить межэтнические конфликты и расположить к режиму коренное население, большевики не забывали о своей главной цели внедрения социализма, как они его понимали, пусть и «на острие штыка». Таким образом в статье Саболя выявляется колониальный характер большевистских модернизационных начинаний, а связанные с национальным строительством процессы 1920-х годов органично сливаются с динамикой «революцией наоборот» (*la rivoluzione capovolta*), как это метко заметил итальянский историк Марко Буттино (Buttino, 2007). Значимость этого заключения сложно переоценить, учитывая насколько крепко в советской историографии, и в массовом сознании в целом, укоренилась идея исключительной ответственности капитализма (в противовес социализму) за колониальное прошлое.

Во многом иллюстрируя более зрелую стадию изучения Центральной Азии в посткоммунистическом контексте, статья Адриенн Линн Эдгар (Adrienne Lynn Edgar) «Брак, современность и «дружба народов» 2007 года (Edgar, 2007: 581-599) также фокусируется на образах и противоречиях советской современности. В работе они рассматриваются через призму относительно малоизученного явления – а именно, смешанных браков в позднесоветской Центральной Азии. При анализе дискурса, связанного с такими браками, Эдгар обращает внимание на их двойную функцию: по мнению ученого, они служили, во-первых, средством «культурного развития» или просвещения (понятия, под которым под-

разумевалась русификация/европеизация); а во-вторых, межэтнические браки были наглядным доказательством ожидаемого «слияния» народностей в единый советский народ. В то же время, как утверждает автор, прославление межэтнических союзов шло рука об руку с движением в противоположную сторону, т.е. в сторону усиливающейся институционализации этнических границ между народами, проживающих в СССР. При более близком рассмотрении эти две тенденции кажутся взаимосвязанными, поскольку статистика смешанных браков непреднамеренно санкционировала реальность существования обособленных этнических образований и четких границ между ними. Другими словами, конструктивизму «Советского народа» сопутствовал «объективизм» отдельных наций, обретших благодаря популярным в середине XX века исследованиям по этногенезу квази-биологическое измерение. Такое соседство «вечных» или, по крайней мере, очень древних этно-единиц и ожидаемого «нового сообщества – Советского народа» – прекрасно согласуется с выводами для сталинского периода, сделанного историком из Гарвардского университета Терри Мартином. В статье, вышедшей в 2000 году, ученый показал, как паспортизация превратила первоначально приписываемые или приобретенные национальные характеристики в наследуемые («примордиальные») черты (Martin, 2000: 169-170).

На этом вклад статьи Эдгар не ограничивается. Сопоставляя советское прославление смешанных браков с дискурсами о межрасовых или межэтнических отношениях в международном контексте, автор находит интересные и неожиданные параллели, успешно оспаривая идею об уникальности советского проекта. В частности, его отголоски можно услышать в подходе к метисации (*mestizaje*), воспетой латиноамериканскими интеллектуалами как источник расовой гармонии. С другой же стороны, ярко выраженная «цивилизационная» составляющая межэтнических браков в СССР роднит их, по словам автора, с практиками в британских доминионах – Австралии и Новой Зеландии.

Отсутствие четких хронологических делений можно было бы отнести к недостаткам статьи; автор, кажется, не замечает разницы между периодом оттепели, брежневской стабильностью, и перестройкой. С другой стороны, подобные рамки с их обязательными переходами и сдвигами противоречат тематике статьи и ее культурологическим подходам. Наоборот, автор позволяет нам увидеть важную историческую преемственность практик там, где политическая история заставляет усматривать разрывы и радикальные повороты. Стремление преодолеть жесткую периодизацию проявляется в важной статье Ботакоз Касымбековой «Люди как территория: насильственное переселение и создание советского Таджикистана, 1920–1938» (Kassymbekova, 2011). Автор показывает, как этническое мышление, заложенное в самих принципах Советского Союза, в сочетании с постоянно растущим беспокойством о безопасности границ привело к перемещению 48 тысяч семей таджикского населения из горных районов Бадахшана на равнинные территории, частично населенные полукочевыми узбеками и локайцами. Сопровождаемые насилием, эти перемещения ставят под сомнение используемую историками дихотомию «золотых двадцатых» и репрессивных «тридцатых» (Kappeler, 2001: 373-382). Касымбекова усложняет картину, представленную ранее Сабодем, добавив к марксистскому тезисам о преимуществе оседлого образа жизни над кочевым деколонизальную повестку освобождения. Кроме того, в анализе, напоминающем работы Терри Мартина (Martin, 2001) и Олега Хлевнюка (Khlevniuk, 1995), автор демонстрирует примат имперской озабоченности по отношению к границам. В совокупности же, динамичное взаимодействие марксизма, деколонизации и стратегических интересов позволяет преодолеть эвристическое деление между экономическими и политическими факторами: пример Бадахшана подчеркивает степень политической мотивированности советского экономического развития уже в 1920х годах (т.е. до «Великого перелома»), равно как и невозможность применения к советским ре-

алиям критериев эффективности, заимствованных из западного – либерального – экономического опыта.

Построенная вокруг колониальности и колониальных практик, статья Касымбековой находится в диалоге с работой Мехмеда Сарая. Правда, в отличие от империи второй половины XIX века, советское государство показана здесь действующим в оборонительном режиме. Тем не менее, выставляя Центральную Азию в качестве образца деколонизации, СССР был готов к расширению своего влияния дальше на юг и юго-запад – в Афганистан и Иран, в частности.

С методологической точки зрения, работа Касымбековой дает пример плодотворного применения постструктурализма в условиях Центральной Азии. Исходя из постулата, что дискурс конституирует реальность в той же мере, в какой он конституируется ею, Касымбекова подробно останавливается на роли современного демографического и этнографического знания. Ее внимание сосредоточено на бинарностях (некоторых – более привычных, некоторых – менее), сочетание которых привело к институционализации и территориализации таджикской этнической принадлежности. Примечательно и то внимание, которое автор уделяет роли разделения населения государством на кочевое/оседлое в своих планах дальнейшего расселения. Сопоставляя это с тропами продуктивности, лояльности и предсказуемости, она раскрывает закономерности, позже описанные в книге Алуна Томаса о номадах в эпоху Ленина и Сталина (Thomas, 2018).

Статья Гульмиры Султангалиевой, историка из Казахстана, позволяет оценить путь, пройденный CAS с начала 1980-х годов. Так, если Мехмед Сарай акцентирует внимание на роли «великих личностей», сделавших карьеру сначала при «усмирении» Северного Кавказа, а затем применивших свой опыт в Туркестане, то для Султангалиевой первостепенным является процесс трансфера технологий правления с их последующей эволюцией под влиянием новых обстоятельств. Основные действующие лица – приставы, назначаемые

высшими имперскими властями, – «великими» личностями не были, однако возлагаемые на них функции не становятся от этого менее показательными или же значимыми. Внедренный в 1820-е годы в Младший и Средний жузы с Кавказа, институт приставства должен был, во-первых усилить авторитет ханской власти, а во-вторых, поставить казахскую знать «под присмотр» Петербурга. Но эти изначальные функции контроля и наблюдения быстро эволюционировали и уже к 40м годам XIX века приставы превратились в настоящих посредников имперской власти, призванных внушить степным элитам идею величия России, и тем самым способствовать их кооптации в общеимперскую многонациональную правящую касту. Цивилизационная риторика, присущая колониальным проектам западноевропейских государств, находила здесь свой региональный отклик. С возобновлением российской экспансии в Центральную Азию после Крымской войны, институт был преобразован в пограничную территориальную единицу, представлявшую собой, как пишет Султангалиева, «переходную систему управления», то есть, по сути, ядро будущей военной администрации региона.

В целом же, эволюция института приставства – от наблюдателей казахских элит, к сопроводителям султанов-правителей, и, наконец, к прямым администраторам отдаленных регионов – проливает свет на имперское представление как о колониальном порядке, так и о средствах, необходимых для его поддержания. Хотя автор не ставит перед собой задачи обозначения четких причинно-следственных связей, история приставства – это, во-первых история импровизаций, переходящих в институционализацию, а, во-вторых, хроника изменяющихся геополитических приоритетов Петербурга и сопутствующего этим изменениям имперского самоощущения. Схематично, опыт приставов отражает движение империи от полицентрического организма, анимированного разнородными элитами, к бюрократической машине, все более восприимчивой к мощным импульсам централизации и русификации.

Этот комментарий позволяет нам вплотную подойти к первому общему вопросу, затронутому в этих статьях, а именно, к вопросу строительства и устройства империи. Как упоминалось, подходу Сарая не хватает должной нюансированности. Для него, как и для других современных ему экспертов по истории Центральной Азии (D'Encausse, 1966; Olcott, 1987), империя – это в первую очередь результат завоевательной политики, огромная сила, подавляющая любые признаки сопротивления на своем пути. Ограниченные попытки проанализировать причины экспансии тонут в общем ощущении, что империи присуще стремление к доминированию, просто потому что она – империя. В концептуальном смысле это тот самый порочный круг, на который обратил внимание в 1995 году Марк Байссингер в контексте распада СССР – характерного и якобы неизбежного следствия приписываемого империи тяги к расширению (Beissinger, 1995: 155).

Тем не менее, как показали более поздние исследования (Kappeler, 2001; Suny and Kivelson, 2016; Трепавлов, 2020), демистификация динамики имперского развития требует пристального внимания к элитам на периферии. Последние играли действительно ключевую роль в экспансии, устанавливая контакты с посланцами из метрополии, а затем обговаривая и заключая с ними договоры, подтверждающие и расширяющие их права как по отношению к центру, так и по отношению к местному податному населению. Находясь в диалоге с недавним исследованием, Султангалиева демонстрирует значимость региональной специфики в формировании институтов и технологий управления (Sultangalieva G., 2014: 62-79) – процессе, в котором оставалось много места для импровизации. В итоге именно это, охарактеризованное историками Рональдом Суни и Валери Кивельсон как «управление многообразием посредством различия» (rule through difference) (Suny and Kivelson, 2016: 4) схватывает суть имперских процессов нежелания некая и самодостаточная жажда контроля. Возникшая в результате взаимодействия с вызовами многообразия и регионализмов,

совокупность имперских институтов сводит на нет все попытки представить процессы империалистического строительства как столкновения монолитных образований с взаимоисключающими интересами.

Вместе с тем, статья Султангалиевой могла бы выиграть от размышлений о роли научных знаний в формировании практик правления. Этот подход кажется особенно уместным, учитывая, как отмечает сама исследовательница, что задачи первых приставов заключались в «проведении «постоянного наблюдения» за казахским населением», в тщательном учете таких наблюдений и выработке рекомендаций властям в Омске и Оренбурге (Sultangalieva, 2017). Поэтому закономерно было бы изучить природу связи, если таковая была, между такой политически мотивированной слежкой и появляющимися этнографическими практиками. Другими словами, это позволило бы нам описать природу симбиоза между административной властью и знанием – воплощенном в личностях, вроде Алексея Левшина и Чокана Валиханова (Bailey, 2019).

Вопрос об участии политической и научной элит в формировании имперских практик управления переходит в общую проблему исторической субъектности. Более ранние работы Сарая и Саболя предлагают классический нарратив «вниз по нисходящей». Для Сарая, как уже было сказано выше, список действующих лиц ограничивается военными и дипломатами; население же, не попадающее под категорию элит, остается недифференцированным, сведенным к общим обозначениям «коренных народов» или «мусульман». У них нет субъектности и, как следствие, они немы (Saray, 1982). Статья Саболя построена в основном вокруг решений Кремля и околоремлевских функционеров. Местами он позволяет безымянным «казахам» или «узбекам» выразить свое несогласие или сформулировать свои требования, воздерживаясь, однако, от предоставления дополнительных подробностей (Sabol, 1995: 225-241).

«Голос масс» звучит куда более отчетливо в работах таких исследователей, как Арне Хауген (Haugen, 2003), Франсин Хирш (Hirsch, 2005) и упомянутой здесь Адриенн Линн Эдгар (2006). Последние показали, насколько быстро адаптировалось местное население к основным аспектам коренизации. В готовности ретранслировать язык национального освобождения и связанных с ним концепций нет ничего удивительного, поскольку продвижение национальной повестки оказалось неразрывно связанным с доступом к необходимым ресурсам (образованию, медицине, воде, и проч.). В своих многочисленных книгах и статьях Адиб Халид (Khalid, 1998, Khalid, 2015) убедительно выступал за включение региональных, дореволюционных и меньшевистских интеллектуалов в число основных зачинщиков этнотерриториальных проектов 1920-х годов. И хотя статья Касымбековой полна нюансов, в ней также прослеживается склонность приписывать проекты по переселению востоковедам и московским экспертам по национальной политике. Это, однако, не дает возможности понять почему ведущие таджикские коммунисты, заклеянные оппонентами как «националисты», ухватились за эту идею. В ее статье не исследована реакция узбекских коммунистических лидеров на эти предложения, что, конечно же, является упущением учитывая подчиненное положение Таджикистана по отношению к Ташкенту (до 1929 г.) (Kassymbekova, 2011: 349-370).

Не являясь самоцелью, субъектность задействована в становлении групповых/корпоративных идентичностей. У Мехмеда Сарая и Стивена Саболя идентичности, хоть и присутствуют, но представлены в своем реифицированном виде. В качестве примера достаточно упомянуть, что, по Саболю, этнолингвистический ландшафт региона накануне Революции полностью соответствует политико-административному делению, возникшему в результате территориального размежевания (Sabol, 1995: 234). В работах Эдгар и Касымбековой идентичности следуют политическим решениям, или же являются реакцией на них. Конструктивистский подход позволяет авторам

проследить взаимодействие и взаимопроникновение категорий: нации, гендера и расы (у Эдгар) или класса, типа экономической жизнедеятельности и нации (у Касымбековой). Если ранние исследователи пользовались категориями из переписей как данностями, т.е. без должной критики, то работы последних двух десятилетий, признавая определенную условность, зыбкость границ между категориями, создают продуктивную контрастность, позволяющую распознать «государственное мышление» - *gouvernementalité* Мишеля Фуко – именно в качестве объекта изучения.

Субъектность и идентичность неразрывно связаны с человеческим опытом, и здесь снова ранние работы дают нам мало материала для размышления. В отличие от них, Эдгар и Касымбекова стремятся восстановить голоса тех, кто оказался под пристальным вниманием государства или стал жертвой спонсируемого государством насилия. Тем не менее, некоторые проблемы остаются. Так, используемые Эдгар личные свидетельства исходят исключительно из советских опубликованных источников и, таким образом, их достоверность вызывает определенные сомнения. Конечно же, привлечение огромного пласта эго-документов – писем и дневников, написанных в тот период – равно как и информации, полученной из бесед с живыми свидетелями, могли бы легко исправить ситуацию. Естественно, что в случае со статьёй Касымбековой, свидетельства, позволяющие обойти официальные запреты, крайне редки; нам следует скорее смириться с тем фактом, что официальные материалы представляют собой непреодолимый предел в реконструкции опыта жителей Центральной Азии в первые годы советской власти.

Наконец, статьи, посвященные приходу модерности, дают возможность поразмышлять об использовании сравнительных и т.н. транснациональных подходов. Нет сомнения в том, что в этом плане наиболее амбициозной является работа Эдгар, ставящая перед собой задачу расположения советского дискурса о межнациональных браках в глобальном дискурсивном локусе. Хотя попытки сравнить

процессы в Центральной Азии с аналогичными событиями в других частях Российской империи и Советского союза остаются довольно редкими, у нас есть примеры успешного применения таких подходов – в частности, статья Гульмиры Султангалиевой. Опыт имперской власти и военных на Кавказе играет первостепенную роль в ее анализе, что заставляет нас задуматься о возможном расширении географических границ ее исследования далее на запад – а именно, на территорию юга Украины или Новороссии, где с середины XVIII века многие практики колониального управления были впервые задействованы и впоследствии усовершенствованы (Sunderland, 2006, Friesen, 2008). Кроме того, экстраполируя результаты исследований Султангалиевой вперед на будущее, можно задаться вопросом о сохранении, или трансфере административных колониальных практик от Российской империи к СССР.

В этом ключе можно рассматривать события переходного периода – Революции, Гражданской войны, и последующей за ними кампании коренизации. Их «евразийский» характер ставит перед исследователем задачу воссоздания прямой связи между разнородными окраинами огромной империи. Ведь действительно, следуя статье Саболя, может создаться впечатление, что подобные Мирсаиду Султан-Галиеву индивидуумы, ставящие национальное освобождение выше социалистической революции были явлением уникальным для мусульманских регионов империи (где, по правде говоря, мусульманские активисты часто не допускались к институтам власти местными большевиками); тем не менее, даже беглый взгляд на Украину обнаруживает аналогов Султан-Галиева в таких видных украинских большевиках времен Гражданской войны, как Василь Шахрай, или же среди украинских «национал-коммунистов» 1920-х годов (Palko, 2020: 157-172). Хотя после революции государство Романовых распалось на регионы без инфраструктурных и информационных связей, в сознании большевистских вождей она оставалась сплоченным ментальным «имперским» пространством (что позволило исследователям говорить о

большевиках, как об «имперских революционерах» - см. Gerasimov 2017). Поэтому неудивительно, что в основе мер по обеспечению безопасности границ в Таджикистане, территориального размежевания 20х годов или языковой политики, лежало восприятие этого единства в качестве неоспоримого факта.

Таким образом, сопоставляя работы 80-х и 90-х годов с более поздними исследованиями, можно обратить внимание на следующие тенденции. Во-первых, поменялось понимание роли и функционирования государства. Если у Мехмеда Сарая и Стивена Саболя государство является монолитом, четко реагирующим на команды, исходящими из центра, то в современной парадигме господствуют представления о явных и скрытых конфликтах, бесконечном пересмотре контрактов между заинтересованными группами, импровизации, доходящей до хаоса. Во-вторых, политическая история утратила свои исключительные позиции; она предлагает полную условностей канву, в рамках которой проводятся исследования социологического и, вследствие постструктуралистского поворота, культурологического характера. И, наконец, в-третьих, расширение понятия субъектности на прежде недифференцированные «массы» сместило внимание историков с вопросов причин и следствий на проживаемый опыт. История антропологизируется, освобождая пространство для мириад малых историй от единого канонического повествования.

С определенной точки зрения, обсуждаемые здесь статьи Сарая и Саболя сами стали частью историографии прошлого. Они действительно предлагали важные идеи и поднимали наводящие на размышления вопросы, но последующие исследования по опыту за-

воевания, колонизации и кооптации региона в имперское пространство в значительной степени вытеснили их. Между тем, более поздние работы Эдгар, Касымбековой и Султангалиевой остаются актуальными и по сей день. Это, безусловно, лучше всего свидетельствует о жизнеспособности истории Центральной Азии как отдельной сферы исследований, являясь благоприятным предзнаменованием ее будущего развития.

Выводы

Исходя из вышеизложенного, можно говорить, что после 1991 года в западном центральноазиатском исследовании действительно произошли значительные, коренные изменения, связанные с выходом за рамки советологических парадигм времен холодной войны и открытием беспрецедентных возможностей для обмена опытом и сотрудничества. И заметная роль в данных процессах принадлежит академическому журналу «Central Asian Survey» (CAS), как одной из значимых площадок для представления учеными своих новых идей, концепций и результатов исследований. В силу того, что в журнале представлены работы многих выдающихся исследователей Центральной Азии, по статьям издания во многом можно судить как об определенных геополитических изменениях, так и о развитии собственно исследований региона.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта «Тенденции и трансформации исторической памяти в современном казахстанском социуме (1992-2020 гг.) (ИРН: AP09259759)

Список литературы

- Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР / М. Буттино. – Москва: Звенья, 2007. – 447 с.
- Койгельдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920-1940-х гг. / М.К. Койгельдиев. – Алматы: Искандер, 2009. – 448 с.

- Трепавлов В.В. Этнические элиты в национальной политике России / В.В. Трепавлов. – Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 478 с.
- Bailey S. “Wild Countries” of Central Asia: Ethnography, Science, and Empire in Imperial Russia / S. Bailey. – Washington: Academica Press, 2009. – 300 с.
- Beissinger M. The Persisting Ambiguity of Empire // *Post-Soviet Affairs*. – 1995. – No.11(2). – P. 149-184.
- Bodger A. Abulkhair, Khan of the Kazakh Little Horde, and His Oath of Allegiance to Russia of October 1731 // *The Slavonic and East European Review*. – 1980. – No. 58 (1). – P. 40-47.
- Conquest R. Stalin: Breaker for Nations / R. Conquest. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1991. – 346 p.
- D’Encausse H.C. Réforme et Révolution Chez les Musulmans de l’Empire Russe / H.C. D’Encausse. – Paris: Presses de la Fondation national des sciences politiques, 1966. – 312 p.
- Edgar A.L. Tribal Nation: the Making of Soviet Turkmenistan / A.L. Edgar. – Princeton: Princeton University Press, 2006. – 320 p.
- Edgar A.L. Marriage, Modernity, and the ‘Friendship of Nations’: Interethnic Intimacy in Post-War Central Asia in Comparative Perspective” // *Central Asian Survey*, – 2007. – No. 26 (40). – P. 581-599.
- Fitzpatrick S. Impact of the Opening of Soviet Archives on Western Scholarship on Soviet Social History // *The Russian Review*. – 2015. – No. 74 (3). – P. 377-400.
- Friesen L. Rural Revolutions in Southern Ukraine: Peasants, Nobles, and Colonists, 1775-1905 / L. Friesen. – Cambridge: Harvard Ukrainian Research Institute, 2008. – 325 p.
- Gerasimov I. The Great Imperial Revolution // *Ab Imperio*. – 2017. – No. 2. – P. 21-44.
- Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia / A. Haugen. – Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2003. – 276 p.
- Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. – Ithaca: Cornell University Press, 2005. – 392 p.
- Kappeler A. The Russian Empire: A Multiethnic History / A. Kappeler. – New York: Pearson Education, 2001. – 480 p.
- Kassymbekova B. Humans as Territory: Forced Resettlement and the Making of Soviet Tajikistan, 1920-38 // *Central Asian Survey*, 2011. No. 30 (3-4). – P. 349-370.
- Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia / A. Khalid. – Berkeley: University of California Press, 1998. – 400 p.
- Khalid A. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR / A. Khalid. Ithaca: Cornell University Press, 2015. – 444 p.
- Khlevnuk O. The Objectives of the Great Terror, 1937-1938, *Soviet History, 1917-1953: Essays in Honour of R.W. Davies*. – London: MacMillan Press, 1995. – P. 158-176.
- Levi S.C. The Indian Diaspora in Central Asia and Its Trade, 1550-1900 / S.C. Levi. – Leiden: Brill, 2002. – 266 p.
- Levi S.C. The Bukharan Crisis: A Connected History of 18th century Central Asia / S.C. Levi. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2020. – 208 p.
- Martin T. Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism, *Russian Modernity: Politics, Knowledge, and Practices* – London: Palgrave Macmillan, 2000. – P. 161-182.
- Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939 / T. Martin. – Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. – 528 p.
- Morrison A. Stalin’s Giant Pencil: Debunking a Myth About Central Asia’s Borders [Электрон.ресурс]. – 2021. – URL: <https://eurasianet.org/stalins-giant-pencil-debunking-a-myth-about-central-asias-borders>. (дата обращения: 13.02.2022).
- Morrison A. The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814-1914 / A. Morrison. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 614 p.
- Olcott M. The Kazakhs / M. Olcott. – Stanford: Hoover Institute Press, 1987. – 341 p.
- Palko O. Debating the Early Soviet Nationalities Policy: The Case of Soviet Ukraine The Fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal Liberation, 1917-1941. – London: Bloomsbury Academic, 2020. – C. 157-172.
- Pipes R. The Formation of the Soviet Union: Communist and Nationalism 1917-1923 / R. Pipes. – Cambridge: Harvard University Press, 1964. – 365 p.
- Sabol S. The Creation of Soviet Central Asia: The 1924 National Delimitation // *Central Asian Survey*. – 1995. – No.14 (2). – P. 225-241.

Sabol S. Kazakh Resistance to Russian Colonization: Interpreting the Kenesary Kasymov Revolt, 1837-1847 // *Central Asian Survey*, – 2003. – No. 22 (2-3). – P. 231-252.

Saray M. The Russian Conquest of Central Asia // *Central Asian Survey*. – 1982. – No.1 (2-3). – P. 1-30.

Sultangalieva G. The Role of the Pristavstvo Institution in the Context of Russian Imperial Policies in the Kazakh Steppe in the Nineteenth Century // *Central Asian Survey*, – 2014. – 33 (1). – P. 62-79.

Sunderland W. Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe / W. Sunderland. – Ithaca: Cornell University Press, 2005. – 264 p.

Suny R., Kivelson V. Russia's Empires / R. Suny, V. Kivelson. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 420 c.

Thomas A. Nomads and Soviet Rule: Central Asia Under Lenin and Stalin / A. Thomas. – London: Bloomsbury Academic, – 272 p.

Werth P. 1837: Russia's Quiet Revolution / P. Werth. – Oxford: Oxford University Press, 2021. – 240 p.

М. Акулов

Назарбаев университеті, Астана, Қазақстан

Орталық Азия тарихының батыстануындағы тенденциялар: Central Asian Survey мысалы

Андатпа. Бұл мақала Батыс Орталық Азиятанудағы соңғы 40 жылдағы негізгі тенденцияларды зерттеуге арналған. Жоғарыда аталған тенденцияларды қадағалаудың үлгісі ретінде беделді шетелдік академиялық «Central Asian Survey» журналы пайдаланылды, онда, әдетте, озық идеялар, тұжырымдамалар және соңғы зерттеулердің нәтижелері, сәйкесінше ұсынылған жұмыстарға шолулар жарияланады. онда жалпы ғылыми саланың өкілі бола алады.

Жалпы, еңбекте 1991 жылдан кейін КСРО-ның ыдырауы, темір перденің құлауы нәтижесінде Батыс Орталық Азиятануда болған түбегейлі өзгерістер және ғылыми-зерттеу саласындағы соған сәйкес өзгерістер қажет болғанын көрсетеді. сол уақытта болған парадигмаларды және жалпы алғанда, қырғи-қабақ соғыс, «мұрағат революциясы» және шын мәнінде, тарихи зерттеулердегі жаңа дәуір, «посткоммунизм» кезеңінің міндеттерін қайта қарау, бұл әртүрлі формаларды мүмкін етті бұрын қарсы болған лагерьлердің зерттеушілерімен интеллектуалды алмасу. Мақалада талданған өлке тарихына қатысты тарихнамалардың ішінде өлкенің соңғы бірнеше ғасырлардағы тарихын орыс экспансионизмі призмасы арқылы қарастыратын зерттеулер ерекше көзге түседі. Сонымен қатар, бұрынғы зерттеулердің концептуалды шеңберінен шығу әрекеті жасалған жұмыстарға да назар аударылады атап айтқанда, «тоталитарлық мектеп» атапайтқанда, «тоталитарлық мектеп». Сондай-ақ біртұтас кеңес халқының қалыптасуы мен өлкедегі кеңестік ұлт саясаты, этникалық ойлау, сонымен қатар патшалық Ресейдің өлкедегі әкімшілігінің эволюциясы туралы мақалаларда көтерілген және талданған мәселелерді атап өткен жөн. жұмыстар.

Түйін сөздер: Central Asian Survey; тарихнама; Орталық Азиятану; зерттеу тенденциялары.

M. Akulov

Nazarbayev University, Astana, Kazakhstan

Trends in Western Historiography of Central Asia: A case of “Central Asian Survey”

Abstract. The article is devoted to the study of the main trends in Western Central Asian studies over the past 40 years. As a model for tracking the above trends, there was used authoritative foreign academic journal «Central Asian Survey». As a rule, there were published advanced ideas, concepts, and results of the latest research. Respectively, the review of the works presented in it can claim to be representative of the scientific industry in general.

In general, the article demonstrates the fundamental transformations in Western Central Asian studies that occurred after 1991, as a result of the collapse of the USSR, the fall of the Iron Curtain, and the corresponding changes in the research field, which faced the need to revise the paradigms that existed at that time and, in

general, the tasks of the period of the Cold War, the «archival revolution» and, in fact, a new era in historical research, «post-communism», which made possible various forms of intellectual exchange for researchers from previously opposed camps. Among the historiography on the history of the region analyzed in the article. Studies that consider the history of the region over the past few centuries through the prism of Russian expansionism stand out. In addition, the article focuses on works in which an attempt is made to go beyond the conceptual framework of previous studies (in particular, the “totalitarian school”). It is also worth noting the questions of the formation of a single Soviet people and the Soviet national policy in the region, ethnic thinking, as well as the evolution of the administration of tsarist Russia in the region, raised in the papers cited and analyzed in the works.

Keywords: Central Asian Survey; historiography; Central Asian studies; research trends.

References

- Buttino M. Revoljucija naoborot. Srednjaja Azija mezhdu padenijem carskoj imperii i obrazovanijem SSSR [Revolution in reverse. Central Asia between the fall of the tsarist empire and the formation of the USSR], (Zvenya, Moscow, 2007, 447 p.), [in Russian].
- M.K. Koigeldiev. Stalinizm i repressii v Kazahstane 1920-1940-h gg. [Stalinism and Repression in Kazakhstan in the 1920s-1940s], (Iskander, Almaty, 2009, 448 p.), [in Russian].
- Trepavlov V.V. Jetnicheskie jelity v nacional'noj politike Rossii [Ethnic Elites in Russian National Politics], (Center for Humanitarian Initiatives, Saint-Petersburg, 2020, 478 p.), [in Russian].
- Bailey S. “Wild Countries” of Central Asia: Ethnography, Science, and Empire in Imperial Russia, (Academica Press, Washington, 2009, 300 p.).
- Beissinger M. The Persisting Ambiguity of Empire, *Post-Soviet Affairs*. 1995. No.11(2). P. 149-184.
- Bodger A. Abulkhair, Khan of the Kazakh Little Horde, and His Oath of Allegiance to Russia of October 1731, *The Slavonic and East European Review*. 1980. No. 58 (1). P. 40-47.
- Conquest R. Stalin: Breaker for Nations (Weidenfeld and Nicolson, London, 1991, 346 p.).
- D'Encausse H.C. Réforme et Révolution Chez les Musulmans de l'Empire Russe (Presses de la Fondation national des sciences politiques, Paris, 1966, 312 p.).
- Edgar A.L. Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan (Princeton University Press, Princeton, 2006, 320 p.).
- Edgar A.L. Marriage, Modernity, and the ‘Friendship of Nations’: Interethnic Intimacy in Post-War Central Asia in Comparative Perspective”, *Central Asian Survey*, 2007. No. 26 (40). P. 581-599.
- Fitzpatrick S. Impact of the Opening of Soviet Archives on Western Scholarship on Soviet Social History. *The Russian Review*. 2015. No. 74 (3). P. 377-400.
- Friesen L. Rural Revolutions in Southern Ukraine: Peasants, Nobles, and Colonists, 1775-1905 (Harvard Ukrainian Research Institute, Cambridge, 2008, 325 p.).
- Gerasimov I. The Great Imperial Revolution, *Ab Imperio*. 2017. No. 2. P. 21-44.
- Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia (Palgrave MacMillan, Basingstoke, 2003, 276 p.).
- Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union (Cornell University Press, Ithaca, 2005, 392 p.).
- Kappeler A. The Russian Empire: A Multiethnic History (Pearson Education, New York, 2001, 480 p.).
- Kassymbekova B. Humans as Territory: Forced Resettlement and the Making of Soviet Tajikistan, 1920-38, *Central Asian Survey*, 2011. No. 30 (3-4). P. 349-370.
- Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia (University of California Press, Berkeley, 1998, 400 p.).
- Khalid A. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR (Cornell University Press, Ithaca, 2015, 444 p.).
- Khlevnuk O. The Objectives of the Great Terror, 1937-1938, *Soviet History, 1917-1953: Essays in Honour of R.W. Davies*. MacMillan Press, London, 1995. P. 158-176.
- Levi S.C. The Indian Diaspora in Central Asia and Its Trade, 1550-1900 / S.C. Levi. – Leiden: Brill, 2002. – 266 p.
- Levi S.C. The Bukharan Crisis: A Connected History of 18th century Central Asia (University of Pittsburgh Press, Pittsburgh, 2020, 208 p.).

Martin T. *Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism, Russian Modernity: Politics, Knowledge, and Practices*, Palgrave Macmillan, London, 2000. P. 161-182.

Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939* (Cornell University Press, Ithaca, and London, 2001, 528 p.).

Morrison A. *Stalin's Giant Pencil: Debunking a Myth About Central Asia's Borders*, Available at: <https://eurasianet.org/stalins-giant-pencil-debunking-a-myth-about-central-asias-borders>. (accessed 13.02.2022).

Morrison A. *The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814-1914* (Cambridge University Press, Cambridge, 2021, 614 p.).

Olcott M. *The Kazakhs* (Hoover Institute Press, Stanford, 1987, 341 p.).

Palko O. *Debating the Early Soviet Nationalities Policy: The Case of Soviet Ukraine the Fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal Liberation, 1917-1941*, Bloomsbury Academic, London, 2020. C. 157-172.

Pipes R. *The Formation of the Soviet Union: Communist and Nationalism 1917-1923* / R. Pipes. (Harvard University Press, Cambridge, 1964, 365 p.).

Sabol S. *The Creation of Soviet Central Asia: The 1924 National Delimitation*, *Central Asian Survey*. 1995. No.14 (2). P. 225-241.

Sabol S. *Kazakh Resistance to Russian Colonization: Interpreting the Kenesary Kasymov Revolt, 1837-1847*, *Central Asian Survey*. 2003. No. 22 (2-3). P. 231-252.

Saray M. *The Russian Conquest of Central Asia*, *Central Asian Survey*. 1982. No.1 (2-3). P. 1-30.

Sultangalieva G. *The Role of the Pristavstvo Institution in the Context of Russian Imperial Policies in the Kazakh Steppe in the Nineteenth Century*, *Central Asian Survey*, 2014. 33 (1). P. 62-79.

Sunderland W. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe* (Cornell University Press, Ithaca, 2005, 264 p.).

Suny R., Kivelson V. *Russia's Empires* (Oxford University Press, Oxford, 2016, 420 p.).

Thomas A. *Nomads and Soviet Rule: Central Asia Under Lenin and Stalin* (Bloomsbury Academic, London, 272 p.).

Werth P. *1837: Russia's Quiet Revolution* (Oxford University Press, Oxford, 2021, 240 p.).

Сведения об авторе:

Ақулов Михаил – Ph.D., ассистент-профессор, Назарбаев университет, пр. Кабанбай батыра, 53, Астана, Казахстан.

Akulov Mikhail – Ph.D., assistant professor, Nazarbayev University, 53 Kabanbai batyr ave., Astana, Kazakhstan.